

родное честолюбие! Нельзя ли вам, любезнейший со-член, достойно воспеть все это? Жуковский то и дело твердит — ей, быть Беседиаде!

Простите, любезнейший князь, будьте здоровы и счастливы, веселитесь в Москве, но ради Арзамаса приезжайте к нам поскорее хоть на несколько дней; привезите нам еще несколько *дней* вашего сотворения. Нам в хороших стихах, каковы ваши, большая нужда. Жуковский изленился и без вас ничего писать не хочет... Северин на сих днях к нам приехал, но все еще кружится с утра до вечера. Он будет к вам писать непременно, как скоро удосужится, а между тем поручил мне крепко, крепко обнять вас. Позвольте мне и за себя это исполнить и уверить вас в искреннейшей сердечной моей к вам преданности.

Ваш навсегда
Дашков

IV*

Веселый кружок арзамасский... Красавец и баловень аристократических собраний, остроумный, ловкий, веселый, с примесью самолюбия фата, но высокообразованный, истинно просвещенный — Уваров; и с сановитой южною красотою своею, с прекрасными чертами смуглого лица, высокого роста и возвышенной души, любимый и ценимый по какому-то инстинкту даже нами, детьми, Дашков, которого, в нашем наивном почитании и любви, мы прозвали пальмовым деревом (пальмою между людьми), как прозвали мы Северина подсолнечником за его желтое и кисленькое лицо, чопорную фигуру и особенно за измену, как мы

* Воспоминания и записки графини А.Д. Блудовой. «Заря», 1871, кн. III, с. 27—28 (написано в феврале 1867 года).

думали, Каподистрии и обратное движение к восходящему солнцу министерства Нессельроду. Вот и черные, как смоль, раскаленные, как угли, глаза Вигеля, которого раздражительность и негодование на меня в моем детстве я узнала только по его запискам; помню ж я его как частого посетителя, хорошего приятеля всех арзамасцев и друга нашего дома, с табакеркой в руках, которую он вертел, играя ею и особенным манером постукивая по ней, а взявши щепотку табаку, как будто клевал по ней пальцами, как птица клюет клювом, когда готовился сказать что-нибудь колкое или забавное. А там широкое добродушное лицо и тучная фигура Александра Тургенева, тоже ежедневного гостя, но мало занимавшегося детьми, на которого мы с изумлением глядели за обедом, когда он глотал все, что находилось под рукою, — и хлеб с солью, и бисквиты с вином, и пирожки с супом, и конфеты с говядиной, и фрукты с майонезом, без всякого разбора, без всякой последовательности, как попадет, было бы съестное; а после обеда поставят перед ним сухие фрукты, пастилы и т. п., и он опять все ест, между прочим, кедровые орехи целою горстью за раз, потом заснет на диване и спит и даже храпит под шум разговора и веселого смеха друзей. Помню, как теперь, голубой, набивного бархата диван и овальный стол из желтого тополя в гостиной нашей, где сживал он. Эта способность глотать все, что ни попадет, и спать потом так сладко делала его в моих глазах каким-то *Voie constricteur* безвредной породы или добрым огром, который, однако, детей не ест, а непрочь даже поделиться с ними конфетами. Мы его прозвали по-французски потому, что этою пропастью или омутом мгновенно пожиралось все съестное.

А вот и (А. С.) Пушкин со своим веселым, заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейер-

верком остроумных блистательных слов и добродушных шуток, а потом растерзанный, измученный, убитый жестоким легкомыслием пустых, тупых умников салонных, не постигших ни нежности, ни гордости его огненной души.

Образ Батюшкова неопределенно, туманно рисуется передо мною лишь однажды в той же голубой гостиной; небольшого роста, молодой, красивый человек, с нежными чертами, мягкими волнистыми русыми волосами и со странным взглядом разбегающихся глаз; я проходила через гостиную в детскую, и отец остановил меня у дверей, где он стоял с Батюшковым, сказав ему: «*Vous ne reconnaissez pas la petite?*» Вероятно, он был долго в отсутствии, или нас не было в Петербурге. В следующее лето на даче, помню, стали говорить у нас с горестью, что он сделался такой странный, и стали бояться — не лишился бы он ума.

А. Блудова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА В 1819 ГОДУ*

В 1819 году в зимние вечера собирались к одному держателю пансиона в Петербурге (французскому дворянину) любители словесности из находившихся в то время в столице французских путешественников, чиновников и нескольких дам и мужчин из высшего класса русского общества. В сем пансионе воспитывались дети знатных и богатых людей, и потому хозяин имел обширный круг знакомств. Время на сих литературных вечерах проводили чрезвычайно весело. Читали переводы с русского языка и небольшие оригиналь-

* Сочинения *Фаддея Булгарина*, ч. III, изд. 2. СПб., 1830. «Встреча с Карамзиным», с. 178—198, 195—199 (первоначально в «Альбоме Северных Муз» на 1828 год, изд. А.И.).